

18+

Артур Романов

Подсознательные гении и их неэволюционировавшие аналоги

В бездне безумия...

Артур Романов

Подсознательные гении и их неэволюционировавшие аналоги. В бездне безумия...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67872093

ISBN 9785005676641

Аннотация

Эпичный роман, переполненный десятками разных историй. От печали и грусти до запредельного хардкора и чёрного юмора. Книга не оставит равнодушным даже самого искушённого ценителя постмодернизма.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	32
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Подсознательные гении и их неэволюционировавшие аналоги В бездне безумия...

Артур Романов

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет.

© Артур Романов, 2022

ISBN 978-5-0056-7664-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артур Романов

«Подсознательные гении и их неэволюционировавшие аналоги»

Глава первая

«Конец»

Стояло сухое пыльное лето. Спокойно дышать было невозможно, потому что удушливый воздух, лишенный природной первозданности, забивал дыхательные пути дорожной пылью, и люди прятались по квартирам. Скрываясь от погоды, они сидели дома, тяжело вздыхая перед экранами телевизоров и компьютеров, и пытались пережить знойный период. Никаких контактов с человеком, никаких глубоких мыслей, никакого здравомыслия и благоразумия, только недостаток человеческой теплоты сжимал сердце, и на душе становилось противно.

Среди немых стен ютился молодой человек, ни чем не отличающийся от других. Ему никогда не приходило в голову, что этот бессонный город будет существовать подобно свалке, на которую всё больше поступает мусора – до бесконечности. В Москве не живут, а проживают. Этому человеку не приходилось задумываться о чём-то серьёзном и глобальном, впрочем, как и многим, потому он просто каждый день работал, не заботясь даже о том, кто его начальник.

Когда Фёдору исполнился двадцать один год, он решил навестить своих старых друзей и пригласить их в летнее кафе, находившееся в парке около его дома. Место было до-

вольно запущенное, но приглашенные лезли, словно мухи на мёд.

Был второй час ночи, когда пьяный Фёдор сидел один, допивая бутылку вина. Больше ему никто не наливал, а все его друзья расползлись по домам. Народу в кафе уже почти не было, и лишь пара выпивших девиц всё ещё топтались под набивший оскомину ритм. Лицо Феди было переполнено необъяснимыми эмоциями. То ли он был счастлив и весел, то ли грустен и чем-то недоволен. Перед глазами всё уже расплывалось, и Фёдор, дремля у стойки, не думал ни о чем плохом. К нему подошел бармен, который растолкал его и сказал, что пора уходить.

Фёдор, покачиваясь из стороны в сторону, вышел на улицу и закурил сигарету. Глотнул холодного пива и, пройдя несколько метров, присел на лавочку. Деревца вокруг мерно качались, мелькая листочками. Тихий тротуар молчал. Различный бумажный мусор перекатывался по нему, летя в неизвестность. Чуть вдалеке по мобильному телефону оживленно разговаривала девушка. Фёдор чётко рассмотрел неизвестную. Она была одета в бежевую кофточку, короткую юбку и высокие туфли на шпильках. Украшенное пирсингом утонченное пропорциональное лицо смотрелось вызывающе. Голубоглазая незнакомка казалась таинственной, смертельно загадочной и даже ехидно-злорадной. Короткие чёрные волосы подчёркивали её красоту. Брюнетка что-то шептала в трубку и, оглядываясь назад, поглядывала на пья-

ного Фёдора. Ему казалось, что она заигрывала с ним взглядом, но всякий раз, когда он смотрел ей в глаза, отводила их с улыбкой на лице. Наконец девушка закончила говорить и буквально поплыла по земле в сторону Феди. Он на мгновение закрыл глаза и уплыл в далёкую эротическую фантазию, а когда приоткрыл, она уже приблизилась совсем близко. Подойдя к нему, она вынула из сумочки здоровый пистолет, нацелилась на него и без слов выстрелила в голову. Мозг брызнул в её красивое лицо и залил всё в округе.

Фёдор открыл глаза и помотал головой, ещё отхлебнув из бутылки. Брюнетка шла к нему. Вынув из сумочки пачку сигарет, она издали спросила:

– Огонька не будет?

– Сейчас найдём, – бодро отозвался Федя.

Девушка, плавно шагая, приблизилась. Он, тем временем, постарался элегантно встать на ноги и вынуть из кармана зажигалку:

– Пожалуйста.

– Благодарю. – Выразительно ответила незнакомка.

С Фёдора моментально сошёл хмель, и волна страсти захлестнула его разум, неся в логово любви. Взгляд юной особы напоминал всемогущую Кали, древнюю богиню хаоса и разрушения. Девушка уже собиралась уйти, но Фёдор ей помешал:

– А как вас зовут?

– Настя, а вас?

– А меня Фёдор.

– Очень приятно, Фёдор, – хихикнув, протянула руку Настя.

– Взаимно, давай просто Федя, – вместо рукопожатия Фёдор нагнулся и легонько поцеловал её ручку. Она немного смутилась.

– Что ходишь так поздно одна?

– Да так, задержалась у подруги.

– А, понятно.

Секунду висело неловкое молчание.

– А ты где живешь? – поинтересовался Фёдор.

– Тут на Флотской, отсюда недалеко.

– Давай я тебя провожу, тут ночью опасно.

– Да ладно, я уж сама доберусь. Не впервые...

– А мне как раз по пути. Не бойся, я не маньяк никакой.

– Я вижу, – засмеялась она, – Ну ладно, пойдем.

Они быстрым шагом пошли по пыльной ночной улице, освещенной тусклыми фонарями.

– Кстати, у меня сегодня день рождения.

– Правда?

– Правда.

– Тогда поздравляю! Надо будет как-нибудь отметить.

– Ага, – кивнул Федя и снова замолчал.

Неловкую тишину разрушил мужской голос мимо проходившего незнакомца:

– Извините, молодые люди, у вас сигаретки не найдётся?

– Найдётся. – Довольно ответила Настя и протянула пачку.

– Благодарю. – Незнакомец вынул одну сигарету, вставил в зубы, прикурил и вернул пачку, ещё раз поблагодарив.

– Ну что, Федь, расскажи что-нибудь о себе.

– Хорошо, – улыбнулся Фёдор и увлеченно заговорил. – В тихом подмосковном посёлке под названием Говяжки жил один человек по фамилии Карасёв-Глушко. Это был я. Ещё это место я называл адом или местом гниения и разложения. Да, так я не любил эту дыру. Там я рос и дурно воспитывался. Моя мама вместе с отцом ютилась в Санкт-Петербурге, а я жил с двумя бабушками и Витей, молодым парнем, приходившимся мне дядей. Он заменял мне и отца, и брата, и друга. Почти с трёх лет я был около него. Чинил ли Витя свой проржавевший мотоцикл «Минск», или пил алкоголь, я всегда находился рядом. Витя был не злым, а наоборот, добрым юношей. Но иногда он давал мне выпить спирта – это, конечно же, нехорошо. Бабушки за мной мало смотрели: я шатался по улицам, собирал бычки, тут же их раскуривая, и вообще был воспитан не так хорошо, как все остальные ребята. Единственное что, я был немного застенчив и всегда со всеми здоровался, даже с незнакомыми взрослыми.

В детстве мальчишки меня часто пугали вампирами, привидениями и призраками. Но один раз я увидел нечто подобное своими глазами. Мы ходили по лесу и собирали грибы.

Нас было пятеро, всем было лет по семь, может чуть больше. В лесу тогда стояли заброшенные деревянные домишки, сохранившиеся ещё со времён Великой отечественной. Мы решили забраться в самый старый и большой из них, чтобы посмотреть, что там внутри. Не успели мы подойти к нему, как увидели, что оттуда выскочил какой-то серый силуэт, который словно полетел к нам. Мы все ужасно испугались и опрометью бросились бежать из леса. Потом среди нас пошла слухи, что это был призрак моей ещё не умершей прабабушки, тогда уже не ходившей из-за травмы ноги. В юности она преподавала физкультуру отдыхающим соседнего лечебно-профилактического учреждения и однажды во время поездки на лыжах упала в канаву, а на неё свалилась ехавшая сзади женщина. Приключился открытый перелом голени. Со временем нога зажила, но к старости раны напомнили подростковую боль. Нога начала гноиться. Нужно было её ампутировать, но бабушка отказалась, хотя дела с лечением шли хуже некуда. С тех пор она сидела дома, а точнее, лежала на диване, ходила под себя или в судно, если кто-нибудь был дома.

Стоял холодный вечер конца декабря, и меня охватывало предпраздничное настроение. Я, будучи ещё глупым ребёнком, развешивал на ёлке гирлянды и игрушки, клеил на обои красочные плакаты с поздравлениями, хихикал, вскрикивал и громко смеялся от восторга. Бабушка просила помолчать, но я, дурачок, никак не реагировал. Когда мать оттащила ме-

ня от плакатов, бабушка была уже спокойна. Мама подошла к ней и спросила: «Бабуль, как ты себя чувствуешь?», но ответа не последовало. Её рука сжимала пузырёк с надписью «Корвалол», рядом на тумбочке громоздилась ещё куча лекарств. Тридцать первого декабря утром мы похоронили её, а вечером уже встречали Новый год.

Примерно в то же время самым загадочным образом пропал дядя Витя. Он выехал из дома вечером накануне своего дня рождения с моим отцом. Помню, было около пяти или шести часов вечера. Время шло, и мы забеспокоились. Стрелки моих старых часов перевалили за полночь, а отец с Витей всё не появлялись. Раньше они никогда так не задерживались. Витя всегда говорил, где он находится, либо был дома раньше, чем о нём начинали беспокоиться.

В три часа ночи приехал мой отец, один. На вопрос «где Витя» он ответил, что не знает. С утра он начал оправдываться, что Витя ушёл с каким-то молодым человеком, якобы встретив его в электричке. Они вместе отняли пятьсот рублей у какого-то мужика в тамбуре и должны были скрываться. Так пояснил отец. Он поехал домой, а Витя уехал с тем парнем неизвестно куда. Вот так пропал Виктор. Печально, но факт.

А спустя ещё несколько лет ушла из жизни моя бабушка Полина. Та уже давно сошла с ума и находилась в невменяемом состоянии, хотя опасна и не была. Я в детстве часто унижал её, как и прабабушку, несмотря на то, что они обе жела-

ли мне только хорошего. Я был не прав и осознал это даже не тогда, когда расстался с ними навсегда, а лишь когда мне исполнилось четырнадцать. Но, как говорится, «мотоцикл продал, а привычка осталась». После их смерти я продолжил ссориться уже с родителями, которые после освобождения квартиры перебрались ко мне.

Окружающее общество меня не устраивало с раннего возраста, только я этого ещё не понимал. Около дома я всегда гулял с одним мальчишкой, его звали Щетман. Мы часто сидели у него дома и играли в разные мальчишечьи игры. Его бабушка была очень доброй женщиной и всегда была нам рада. Под её присмотром мы кушали и беззаботно проводили время, а что ещё надо детям? Но через несколько лет, когда мне исполнилось восемь или девять, а может быть и раньше, он переехал с родителями в посёлок Сорняки, недалеко от Говяжек.

По имени меня никто не величал, все меня обзывали, унижали или называли «Дрезина». Не подумай, что это прозвище мне было дано за соответствующие действия. Нет, просто в один прекрасный день – чётко помню, что это было в четыре года, – ныне пропавший Витя дал мне эту кличку. Ему тогда было тринадцать, а может и больше. Несмотря на то, что Витя достиг того возраста, когда я понял, что гнию, он этого не понимал. А даже если и понимал, то не придавал этому никакого значения и не показывал вида. Так вот. Я всегда смотрел один очень интересный телесериал под названием

«Капитан Стронг и его солдаты» и постоянно рассказывал о нём, по-детски крича: «Дрезина»! Дрезина был главным злодеем этого сериала. Однажды Витя втайне от меня собрал всех знакомых пацанов и предложил называть меня Дрезинной. Вот так я и получил это прозвище. Теперь я не представляю своё существование без него.

Когда я подросток и пошёл в двадцать третью школу посёлка Сорняки (в Говяжках школы не было), то меня перестали унижать друзья, знакомые и даже враги. А всё потому, что они подросли и нашли занятие поинтересней, да и я стал по сильнее. И, возможно, они чуть поумнели, хотя в этом я искренне сомневаюсь.

В школе я нашёл новых друзей и новых врагов, которые меня опять то и дело били и унижали. Их всегда было больше двух человек, поэтому я не мог дать им отпор, а за меня никто не заступался. Когда они издевались, я говорил им что-то в ответ, отчего те злились ещё сильнее. Настоящих друзей у меня и там не было, помню только одного человека, с которым я хорошо общался, его величали Большой Валя. С ним я познакомился ещё до школы, в детской поликлинике на станции Заводская. Так потихоньку минуло несколько трудных лет учёбы, и я перешёл в девятый класс. Он был для меня последним. Но об этом ещё рано.

Когда мне было двенадцать лет, я убил кошку. Воспоминание, должен сказать, не из приятных, но раз уж начал, расскажу. Мне были нужны деньги, а заместитель директора од-

ного учреждения Николай Иванович, которого за глаза называли Бородой, давал всем по пятьдесят рублей за каждую мёртвую кошку. Я пошёл в сарай, взял там большой молоток и двинулся их искать. Почему Николаю Ивановичу так мешали кошки, я сейчас объясню: они якобы находились на его территории, и это его не устраивало. Так вот. Я шёл по пустой аллее в поисках заплутавших животных. И вот, на глаза попалась пушистая киска сиамской породы. Я ласково позвал «кис-кис», и она приблизилась ко мне. Взяв её на руки, я отошёл за угол столовой. Ласкал её, пока нёс, но когда оказался на месте бойни... – тут Фёдор сделал глубокий вздох, закурил и продолжил. – Я уложил киску на бетонную плиту, лежавшую там, и прижал ногой. Затем замахнулся и легонько стукнул молотком по черепу. Киса начала яростно сопротивляться, но я со всего маху ударил ещё несколько раз. Её череп был раскрошен, а перемолотые острые зубы лежали рядом с остатками мозгов... Кошмарная картина. Киса давно уже была мертва, но, глядя на её предсмертные судороги, я решил, что она хочет убежать. Ведь тогда я был очень глуп и не знал, что такое конвульсии.

Позже оказалось, что это была кошка тёти Люси Исаевой, хорошей подруги моей мамы. А тогда всё моё лицо было залито кошачьей кровью, белая футболка пропиталась мозгами, а с молотка стекала органическая жидкость.

Так я получил свои кровавые деньги. Даже не пятьдесят рублей, а триста: я сказал Бороде, что больше не могу уби-

вать животных и очень страдаю из-за той кошечки. Он пожалел меня и сразу отсчитал купюры. Я помню, что очень обрадовался тем трём сотням.

У меня был старенький магнитофон, который я разбил кувалдой и, оторвав от него лицевую часть с динамиком, приспособил к плееру. Таким образом, я мог слушать его без наушников. Мы с моим другом называли это изобретение «Моно».

Тогда мы были счастливыми, потому что не задумывались над тем, что мы умеем думать. Но со временем мы начали понимать то, что должны были понять уже давно: люди не могут и, возможно, не хотят знать, что гниют.

Мне было пятнадцать лет, когда я начал догадываться о том, что морально разлагаюсь. Я с детства страдал астигматизмом, поэтому мои глаза сильно уставали в школе и за компьютером. У меня был старенький «Пентиум», на нём я слушал тяжёлую музыку (она мне очень нравилась), печатал стихи, которые, увы, никто не читал, и сажал зрение, облучая своё глазное дно ламповым монитором. Больше я ничего не делал, ничего, кроме бесполезной, редкой, никчемной учёбы в плохой школе, которую населяли одни лишь ублюдки. Тогда я и начал чувствовать, что загнивают мои мозги. Вообще, я был странным юношей. Никто меня не понимал так хорошо как Арсений Релесов. Некоторые его обзывали «Рельса». Они были тупыми и считали, что он такой же. Я общался с ним довольно давно, но нашли общее мировоз-

зрение мы только тогда, когда мне было тринадцать, а ему – четырнадцать. Он был старше меня на полтора года. Мой день рождения отмечали тридцать первого мая, а Арсения – пятого ноября.

Мы слушали разную музыку, да и вообще были разными людьми, до тех пор, пока он не дал мне послушать одну западную группу под названием «Evil Never Dies». Помню, мне очень понравилось, и я углубился в мир Арсения. Со временем он давал мне на ознакомление всё новые и новые коллективы и альбомы. Мне всё это ужасно нравилось, и таким странным образом мы нашли взаимопонимание. Да, в музыке есть не всё, но мы можем вложить в неё душу так, чтобы в ней было то, что нам нужно.

Когда мне было семнадцать, я стал по-чёрному ссориться с матерью, называть её разными нецензурными выражениями, как и она меня, и уходить из дома. С отцом я общался более-менее нормально, но стычки тоже бывали, причём из-за всяких мелочей вроде телевизора и еды. Возможно, это из-за того, что у меня было повышенное внутричерепное давление. Частые психические расстройства, недостаток сна, нехватка кислорода – невропатологи и психиатры в поликлинике ставили множество диагнозов.

Виноваты ли мои родители в том, что родили или плохо воспитали, решать не мне. Но я был полностью уверен в своей правоте и твёрдо стоял на своём. Обычно инициатором наших конфликтов была мать. Она ругала меня из-за пустя-

ков, часто доставала глупыми вопросами и мешала жить, надоедая своей неразлучностью. Я смотрел телевизор в три часа ночи или сидел за компьютером до десяти утра, а она вставала и заставляла прекратить, несмотря на то, что я не мешал ей. Звук телевизора был максимально убран, а к компьютеру были подключены наушники. Чтобы не уставали глаза, я выключал монитор и управлял компьютером вслепую. Возможно, на мою маму обрушался тяжёлый груз осознания, и она пыталась компенсировать свои впустую прожитые годы моральным отравлением своего потомка.

Перед окончанием школы я поступил на подготовительные курсы в Техникум экономики и права города Шпильцы. Рядом находилась таможня и завод по изготовлению каких-то материалов, конкретно каких, я не знал, потому что совсем не обращал внимания на такие мелочи. Думал я в это время о том, зачем жить, умирать, рождаться и существовать, если всё в мире безнадёжно и смертно. Я как-то негативно рассматривал предложения знакомых, например: пойти попить пива, найти девушек для половых сношений и так далее в том же духе.

Изначально я представлял собой эдакую туповатую личность, которая обходилась без представительниц прекрасного пола, заменяя их мастурбацией. Но потом, когда начал ходить в техникум, то приобрёл много знакомств с девушками, или, говоря на современном языке, продвинутую сексуальную жизнь. Сначала всё шло прекрасно, прямо как

в сказке. Но спустя какое-то время я начал замечать, что моя жизнь просто опустилась, деградировала и вообще стала жутко скучной. Теперь я снова находился в забвении и грустил, освобождаясь от унылой тяги к реальности.

Например так: сижу дома и слушаю музыку. Раздаётся звонок по сотовому. Я не хотел отвечать, но абонент настойчиво названивал. Нехотя сняв трубку, я тусклым голосом прошепел:

– Да? – тишина в трубке. – Алло?! – вновь спросил я, и нежный голос в трубке ответил мне тем же:

– Алло, Федь? Это Нина. Приходи ко мне, пивка попьюм.

– Чего? – (время час ночи), – Что, к тебе?

– Да... – эротично прошептала она – я буду ждать.

Я выключил старенький протараканенный магнитофончик «Азамат-202», быстро оделся и, закулив, вышел из дома.

Нина жила в соседнем подъезде на четвёртом этаже. Я энергично поднялся по лестничным пролётам и позвонил в звонок. Ещё с третьего этажа была слышна громкая неприятная музыка. Нетрезвая Нинка вывалилась из квартиры и сказала:

– Привет! Заходи.

– Привет, как дела? Нормально? У меня тоже.

Мы сели: я на кресло, она на диван. Она разлила по бокалам пиво, и мы выпили. Потом закурили. Потом снова выпили и снова покурили. И так в течение всего моего пребывания в гостях. Я начал было заигрывать с ней, как вдруг она

сказала:

– Блин, надо музыку сделать потише, а то Журавль проснётся.

– Кто-кто? – удивлённо спросил я.

– Коля, муж мой.

– А... – снова удивился я. – А почему Журавль?

– Потому что Журавлёв.

– А, ясно. Ну что, чем займёмся?

– Хочешь, кино посмотрим?

– Давай, – я порылся в кассетах и нашёл то, что нужно, – какие-то американские ужасы.

Мы успели посмотреть только начало, так как Нина начала засыпать, и я сказал, что пойду домой. Тем более, никакой перспективы оставаться у меня не было.

– Ну всё, пока. Я завтра зайду.

– Да, давай, заходи.

Проснулся рано утром и отправился прямиком к Нине. Хотя не так уж и рано: одиннадцать, как-никак, поэтому я думал, что Коля будет на работе, и мы хорошо проведём время вдвоем, но я глубоко ошибся: он был дома. Тем не менее, мы затарились пивом, взяли у знакомых фильмов и засели на хате. Часов до семи пили, беседовали ни о чём и смотрели телевизор. Вечером друзья начали названивать от удивления, что меня нет поблизости с ними.

– Алло.

– Алло, Дрезина? Ты где есть?

Я не хотел говорить правду и соврал:

– В Минино, а что?

– Когда приедешь?

– Поздно, я тут с девушкой.

– Понятно, приезжай побыстрее, пивка попьем.

– Постараюсь.

Примерно через полчаса раздался второй звонок.

– Да.

– Федь, ты где?

– Мам, я с девушкой в Звездных Оврагах. Нет, не голодный. Пока, – снова солгал я и предложил выпить.

Выпили, покурили, снова выпили и снова покурили. Затем посмеялись над тем, что я говорю всем ложь. Только я расслабился и хотел сделать большой глоток пива, как вдруг раздался ещё один звонок, это был Мотор.

– Да, слушаю.

– Зиг Хаиль!

– Зиг Хаиль.

– Дрезина, ты сейчас где?

– Я? Я на Мировухе, а что?

– Я сейчас тоже туда поеду, пересечёмся тогда?

– Не знаю.

– Ну, ладно я перезвоню.

– Ага.

Спустя два часа он действительно перезвонил.

– Ну что, ты где есть-то?

Наконец я добродушно согласился сказать правду и ответил:

– В Говяжках.

– Я тоже. Где именно?

– В гостях, а ты?

– В твоём подъезде, спускайся ко мне.

– А что, так важно, что ли?

– Ну... Нас девки ждут в Кротове. Поедешь?

– Ну, не знаю.

– Погуляем, пивка попьём, может водочки хряпнем.

– Ладно, поехали.

Я попрощался с хозяевами и ушёл. Мы приехали в Кротово, немного подождали и увидели девушек. Мне обе понравились, но больше, конечно же, высокая блондинка со стройной фигуркой и смазливый личиком. Постояли, попили пиво, познакомились. Обеих звали Танями.

Я много актёрствовал, шутил и прикалывался, оказалось – зря. Обычно я себя так не вёл, но хотел произвести хорошее впечатление на простоватых девушек. В конечном итоге, я дошутился. Та Таня, что мне понравилась, начала негативно обо мне отзываться.

Встретили двух друзей с девушками. Это были Кондрат и Фермент, имена их спутниц не помню. В разгар абстрактной пьянки начались разговоры о любви. К тому времени «женщины» Кондрата и Фермента ушли по домам. Я начал клеить свою избранницу, но та уже была настроена против

меня – это моя вина. Но не факт. Кондрат, будучи уже навеселе, заметил, что у меня ничего не получается, и решил попытаться счастья.

Я начал ревновать его к Тане, хотя теоретически это было невозможно, ведь я был едва с ней знаком. Но я был уже пьян и вёл себя неадекватно. Хотел уйти, но мне не дали. Сказали, что пойду с Мотором. Из-за этого я чуть не подрался с Ферментом. В конечном итоге и у Кондрата с Таней ничего не вышло. Тогда он принялся клеить другую – ноль. Мы с Мотором обиделись на него. Но поскольку у него ничего не вышло, простили. Потом у первой Тани, той, что блондинка, началась истерика. Она стала говорить, что мы все считаем её шлюхой и видим в ней только сексуальный объект. Все, кроме меня, так и думали. Я принялся её утешать, говоря ласковые слова и то, что она не права. Кажется, успокоил её, но пора было идти домой. На последнюю электричку мы опоздали, и пришлось идти пешком – около десяти километров.

В третьем часу ночи пришли в Говяжки и разбрелись по домам. Я влюбился в Таню, но было уже поздно – она в меня нет. Когда Мотор снова договорился с ними встретиться, то они сказали, что согласны при одном условии – меня не будет.

Я часто о ней думал, вспоминал лицо и голос. Но это не помогало снять стресс от накалившихся за прошлую ночь страстей, и я чуть ли не плакал в подушку, надеясь на поло-

жительные перспективы. Тогда в отдалённом кусочке моего подсознания я понимал, что если не нравлюсь людям, а мир кажется мне ничтожным и развратным, то нужно забытья и существовать одному. Но я пытался жить и примиряться с окружением в тиши. Однако новые знакомства и общение порой повергали меня в отчаяние.

В феврале того же года один человек пригласил меня на концерт. Я согласился, но потом передумал, сказав, что поеду на другой, и предложил съездить вместе. Он не стал возражать, и на радостях мы выехали из дому. Я не хочу описывать выступление, потому что не хочу. Нет, не потому что мне не понравилось, а потому что просто не хочу.

Когда всё закончилось, я должен был ехать домой, вместе с другом, конечно же. Но, как и в предыдущем случае, «поезд ушёл». Ничего не оставалось, как бродить в мороз по улицам неспящей Москвы. Но мы поступили по-другому. У кого-то родилась стопроцентная идея заночевать в гостях, что сработало как нельзя кстати. Помимо меня и моего друга в квартире присутствовали две девушки и юноша. Девушек звали Алиной и Кирой (вторая была хозяйкой), а юношей – Арсением и Кириллом. Арсения и девушек мы встретили в клубе, где проходил концерт. Я, как обычно думающий подросток, надеялся на секс, но не было и намёка, и даже темы, ничего, тёмный лес: девчонки, как ни в чем не бывало, всю ночь болтали о своём, а мы от скуки уснули.

С утра, в девятом часу, мы начали расходиться. Кира оста-

лась в квартире. Я же с Кириллом, Арсением и Алей покинули гостеприимное логово. Все дружно сели в метро и поехали домой. Алина вышла раньше нас, поскольку жила в Красногорске и путь к нему начинался с другого вокзала, а мы, естественно, поехали дальше. Добрались до Казанского вокзала, сели на электричку «88 километр» и отчалили. Вышли на станции Коровники. Ваня отправился в посёлок Сорняки, там он жил; ну а мы с Арсением двинулись в ненавистные мне Говяжки.

В то время меня стало сильно напрягать поведение Арсения, и я подумывал о ссоре. Но у меня не было такой перспективы, и вообще тогда я, похоже, совсем бы сгнил. Даже не из-за каких-то материально-технических проблем, а из-за общества. Общество. Я так ненавижу это тупое словечко, что готов дать по физиономии всякому, кто без надобности произнесёт его. Может, я болен? Нет, я здоров, просто мой разум одинок. Итог: если бы я порвал с ним дружбу, то лишился бы моральной поддержки, которой в последнее время не ощущал, как и многого другого. Хм... я даже не знаю, зачем вообще об этом подумал. Раньше знал, а теперь нет. Моя переменчивая система мышления сбивает меня с толку, я превращаю свою жизнь не во что иное, как в неодушевлённый предмет самоудовлетворения.

Тихое утро нарушило молчание. Как это? Всё очень просто до безумия. Я тихо спал и не видел снов, так как из-за частых депрессий не думал о хорошем и стал мизантропом.

Но, тем не менее, я отвлекался от окружающей среды через состояние покоя.

Я лежал на кровати, похрапывая. Раньше я не храпел, но с возрастом у меня начались проблемы с дыхательными органами. Хотя мне был всего лишь семнадцатый год, а здоровья уже не было. Курение и алкоголь тому причины. Курил я, конечно, давно, лет с десяти. Выпивал, но редко. Бывало, что пил с горя в компании местных гопников несколько дней подряд. А бывало и так, что месяцами не прикасался к спиртному. Мать моя говорила, что у меня алкогольная зависимость и я алкоголик со стажем. Хотела даже меня закодировать, но я грубо отослал её подальше. Я-то знал, что у меня нет зависимости от алкоголя и даже от курения. Многие не могут ответить на вопрос «зачем ты куришь?», но я могу: я знаю, зачем. Я курю ради своего собственного успокоения, никотин меня успокаивает. Но я не могу предположить и объяснить как. Ты скажешь «самовнушение», но это не так. Я такой человек, что мне трудно засорить чем-то голову. Я неверующий, я плюю на всё, что меня не устраивает, и отрекаюсь от того, что мне не по душе. Поэтому я снова вернулся ко вредной привычке.

И вот, во время так называемого сна я вдруг проснулся оттого, что моя мерзкая худая собачонка подавала писклявый и противный голосок за моим окном. Я попытался снова закрыть глаза и уснуть, но не смог. Мои веки не смогли сомкнуться, и я решил её убить. Но когда вышел на улицу,

то её уже не было, схоронилась где-то. Я включил телевизор, пощёлкал каналы, но на экране обнаружился лишь шум и настроенные таблицы. Тогда я нашёл любимую кассету с фильмом «Виноградник» и вставил её в видеомагнитофон. На самом интересном месте свет отключили, и я так и не увидел конца, который был мне хорошо известен. Всё равно обидно.

Я расстроился, но не подал вида. Родители вскоре оделись и ушли за продуктами. Во время их отсутствия я, словно окаменевший, сидел на диване и выкуривал сигареты. Одну за одной, одну за одной.

Через какое-то время, не знаю, какое именно, предки явились обратно. В руках матери я заметил букет огромных дорогих цветов. Они не показались мне красивыми, потому что цветов я не любил. Отец же держал в левой руке бутылку пива, а в правой – пакет с продуктами. Время от времени он делал большой глоток и вытирал рукавом небольшие усы, с облегчением вздыхая.

Я долго наблюдал за своей семьёй, пока, наконец, не вернули свет, и я не включил фильм, который прервало отсутствие электричества. В тот же момент мама злобно выключила видеомагнитофон и включила четвёртый канал, где уже начался сериал. «Что ты так смотришь на меня?» – вдруг спросила она. Я промолчал и ушёл в свою комнату, включил компьютер и нашёл подходящую музыку.

Через несколько часов я узрел в окне всем известную Валентину Ломову. Эта старая женщина обладала в Кротов-

ском районе довольно эксцентричной репутацией. Я заметил, что она двигается вперёд, медленно шатаясь и опираясь на какую-то облезлую кочергу. Если логически подумать, «двигается вперёд» – это значит, что она всегда развивается. Но не для меня. Деграция – это такое чудное, прекрасное, доступное, невероятно красочное и все объясняющее слово. Мне становится тепло, когда я о нём подумаю или от кого-то услышу.

Мне захотелось послушать, что она говорит, ведь её иссохшие обветренные губы шевелились на отёкшем, сухом и корявом лице. Будто рыба в аквариуме. Я нажал на паузу. Судя по всему, поддатья Ломова в сотый раз получила по физиономии от своего собственного сына и снова обозлилась на весь мир. Ругаясь матом, она опускала ниже своего уровня не только себя. Также её не устраивал почти весь дом, в котором я живу, Джордж Буш, Владимир Путин, Василий Хрюхан, бывшая учительница Тамара Павловна и ещё очень большое количество людей, часто не заслуживавших этих строгих, аморальных, но зачастую устаревших выражений, которые были громко, чётко и ясно отнесены в их адрес.

А что поделаешь? Все считают её помешанной, а может это вовсе не так. Может одна лишь она истинно размышляет обо всех нас. Что, если она умнейший человек на свете? Об этом, кроме меня, никто и не думает, готов поспорить. Хотя я также не прав в том, что утверждаю это. Возможно, людей, думающих, как я, много, но они так же молчат.

Кино в тот день я так и не досмотрел. Родители тому причина. Я хотел было их убить, пошёл за ножом (я сделал это не от скудоумия, в запасе имелось много уже приготовленных вариантов), но, приблизившись к матери сзади, я передумал. В это время в моей комнате громко играла музыка. Вернувшись туда, я взял со стола целлофановый пакет из-под шоколадного печенья и подкрался к отцу, но тот курил, и если бы я надел его на голову, то он легко бы прожёл целлофан сигаретой. Тогда я пошёл в коридор за топором-колуном, но был уже так изнеможён, что не смог его поднять, а, напротив, уронил его на свою же ногу и сильно её повредил.

Моя больная, мною проанализированная фантазия так и не воплотилась, оставив моих родителей в живых. Искренне раздражённое и подавленное состояние прошло, и мнимое зло меня покинуло, но оно ещё вернётся, я это знаю, и тогда я уже не буду стесняться.

Я понял, что никого не люблю. Я имею в виду женщин. Я лишь часто испытываю потребность снять сексуальное напряжение и не стесняюсь – это нормально и естественно. Родителей я никак не люблю: они мне безразличны и нужны только с одной единственной стороны – еда, деньги и одежда. Вот, как всё низко пало.

В стенку постучал могучий кулак отца. Я знал наперёд, что он хочет от меня: закрыть дверь. Я так и поступил. Тогда он её открыл и вошёл.

– Откуда ты знаешь, что я хотел именно этого? – спросил

он меня.

— Я бог, — засмеялся я ему в ответ. — Ты становишься таким же предсказуемым, как все вокруг.

— Пошёл ты! — огрызнулся отец.

Я не разозлился на него, я знал, что он слабоумен и что скоро настанет судный день, исполнять который будет поручено мне. Грязная бездушность Говяжек хранила таинственное молчание. Смерть невинных раскрыла тайну говяжского зла и показала мне, кто я на самом деле.

То, что я сейчас скажу, сугубо личное: жилищный вопрос. Мой отец не сильно огорчился смертью своего родителя. Он поимел квартиру в Санкт Петербурге, которую потом продал, чтобы не работать и ни о чём не беспокоиться. С продажи второй квартиры, что досталась ему после любимой тётушки Гали, он купил то ли другую квартирку, то ли дачку в пригороде, и забрал мать с собой, прописав её там. Меня же оставили одного в двухкомнатных апартаментах в гнезущих Говяжках. Я продал эту квартиру, чтобы избавиться от нелёгких воспоминаний былой жизни, и нашёл небольшую жилплощадь в Москве. С тех пор моя жизнь выровнялась, и ничего из ряда вон выходящего больше не происходило.

Фёдор закончил рассказ. Настя сидела рядом с ним на скамейке перед её подъездом.

— Да, интересная у тебя жизнь.

– Чем?

– Нескучная.

– Может. А ты что о себе поведаешь? А то я всё о себе да о себе...

– А что обо мне рассказывать?

– Чего-нибудь, – коротко ответил Фёдор и развёл руками.

– Ну, я увлекаюсь пирсингом. Правда, только начинаю. До профи мне, конечно, далеко, но проколоть ухо или бровь могу запросто.

– А ещё чем занимаешься?

– Ну, учусь.

– Где?

– В МГУ.

– А, на кого?

– На преподавателя.

– Интересная профессия.

– Поэтому и выбрала.

– А чё преподавать-то будешь?

– Литературу и русский язык. – Ответила Настя и довольно кратко и типично описала свою одинокую жизнь, и они разбрелись по домам, обменявшись телефонами.

По дороге домой, Фёдор мучил себя вопросом «С кем же она говорила по телефону? Как я мог забыть спросить у неё?». ».

Глава вторая

«Чёрное вещание: испарение душ»

Погожим субботним днём Настя и Фёдор тихо шли по московским улицам, мило беседуя и потихоньку сближаясь. Молодые люди уже были в объятиях друг друга и целовались. Они свернули за угол и перешли на другую улицу, отгороженную глухой стеной дома. Интимное расстояние возбуждало. Не в силах больше сопротивляться желанию, Настя потрогала Фёдора между ног, погладила возбуждённый кончик члена и, освободила ему проход, расстегнув ширинку. Затем задрала вверх свою кофту. Фёдор поднял Настину юбку, и они начали страстно целоваться, сладостно пыхтя, и лаская друг друга. Не прошло и пяти минут развития любовных событий, как девушка услышала невдалеке голоса молодых людей. Сексуальные игры прервались. Девушка запахнула кофту, слезла с Феди и опустила юбочку.

– Что такое? – удивлённо спросил Фёдор и тоже застегнулся.

– Федь, я слышала голоса.

– Какие голоса?

– По-моему, там какие-то алкашы.

– Ну и что из этого?

– А вдруг они на нас нападут?

– Не бойся, они этого не сделают, – Фёдор сам сильно испугался, но чтобы сохранить чувство собственного достоинства, начал строить из себя героя: – Я не позволю им тебя обидеть.

Показались шестеро крепких ребят лет двадцати, все стриженные «ёжиком». Двое были в джинсах и заправленных внутрь маечках, а остальные – в разных спортивных костюмах, с тремя полосками по бокам и без. На ногах блестели туфли и рыночные кроссовки из кожзаменителя. Кто-то вертел на пальцах ключи. Они медленно приближались, со смехом перебрасываясь фразами. Неподалеку от пары молодчики остановились и непринужденно встали кругом, как будто совещаюсь. Почти сразу один из них, с толстым наглым лицом и складчатой шеей, окликнул Фёдора:

– Парень, слышь, поди-ка сюда.

– Кто? Я?

– Да, да ты.

– Зачем?

– Ну поди, чё те, трудно что ли?

– Ну зачем?

– Поди, сказал! – глаза незнакомца полезли на лоб.

Остальные молча презрительно глядели на Фёдора.

– Чё, непонятливый? – вдруг вмешался другой парень.

– Не пойду, – робко сопротивлялся Фёдор.

– Ты чё, петух, ща я те харю разорву, – огрызнулся он, свирепея.

– Отстаньте от нас! – крикнула Настя.

– Завали хавло, коза, ща и до тя дойдет, – подался вперед громила.

Оцепеневший Фёдор покосился на беспокойное лицо Насти и дернул её за руку. Они побежали. За ними, как по команде, ринулись хулиганы.

– Стоять! Куда побежал! Козёл! – орал здоровяк. Все свистели, орали матом и громко издавали ртом звуки, похожие на булькающий смех. Складывалось впечатление, что в их ртах находилось по пол-литра пива, через которое они пытались рассмеяться.

Потенциальные жертвы, охваченные ужасом, без оглядки рвались вперёд и ставили рекорд скорости. Петляя по дворам, они резко забежали за угол какого-то дома и спрятались там, переводя дух. Рядом с ними высилось здание, похожее на поликлинику. Табличка на нём поистёрлась, поэтому точное название определить они не смогли. Слышался говор: преступники не отставали, нагоняя свою добычу с каждой секундой.

Настя и Фёдор заметили их и запаниковали. Бежать вперёд не имело смысла: там находилась высокая кирпичная стена какого-то строения, а если назад – там их ждала дружная команда алкоголиков-тунеядцев. Они приближались и уже предвкушали расправу за неповиновение. К счастью, вход в лечебное учреждение был открыт, и Настя с Фёдором влетели туда.

Внутри оказалось пусто и хмуро, людей из-за обеденного перерыва почти не было, старая гардеробщица тут же стала окликать их, но замолчала, когда в холл вошли преследователи. Слышались их громкие недовольные возгласы. Фёдор повёл Настю вглубь здания: единственным выходом было где-то пересидеть. Они пошли к лестнице и спустились вниз. Федя в темноте нащупал какую-то ручку, очевидно, это была дверь. Он попробовал её повернуть, дверь поддалась. Настя попыталась нащупать ладонью выключатель, но не нашла. Тёмным помещением оказался вход в подвал. Возлюбленные ринулись туда.

Подвал казался странным. Не было бомжей, лишь из углов изредка доносился негромкий треск, что, наверное, издавали шебаршащиеся крысы. Ещё один звук издавался немного посильней, поэтому ребята насторожились и притихли. Именно в этот момент в голове Фёдора появилась мысль, точнее воспоминание: он вспомнил интересное кино, которое смотрел ещё в детстве:

«Когда тёплый летний воздух погас в черноте сентября, а чистое небо наполнилось тьмой, дети пошли в школу. Они не подозревали и не думали о том, во что им предстоит окунуться. Раннее утро понедельника имело свой определённый характер. Руслану было очень странно видеть в сентябре иней. Морозное утро без снега. Он уже подходил к школе, и его нога переступала полуразрушенный порог, как вдруг

со стороны его окликнули:

– Русел!

Руслан оглянулся и увидел трёх своих знакомых. Коля, Миша и Саша стояли возле школьной ограды, смоля дешёвые папиросы, настрелянные у местных алкашей.

– Что надо? Я в школу опаздываю!

– Не парься, Рус, не опоздаешь.

– Ну ладно, привет. Что хотели-то?

– Здорово, пойдём пивка попьем. – Друзья мужественно побратались.

– Да ты, что, Колян, мне же в школу. Потом.

– И что?

– А ничего, пошёл я.

– Погоди-погоди, бутылочку с нами дерябнешь, а потом поедешь, ой, тьфу, пойдёшь.

– Ладно, но только одну бутылку.

В предчувствии сильной попойки Руслан предварительно захмелел и понял, что если он куда-то, как выразился Николай, поедет, то по дороге осознает, насколько помутнён его рассудок. Зайдя в магазин «Ельник», ребята купили два ящика пива и три бутылки водки. Через пять минут они уже сидели на «своём месте» в лесу и распивали спиртное. Прошло два часа.

– Рус, – прыснул Миша, запинаясь и заикаясь, – А ты в школу не опоздаешь?

– Что?

– Я говорю, в школу не опоздаешь?

– А...

– Ну, так что?

– Что-что?

– Ну, это...

– В школу ты опоздаешь, – подытожил Саша, который всё это время молчал, жадно глотая из бутылки пенистую жёлтую жидкость.

– Какая, на хрен, школа, ты что, опух?

– Ладно, как знаешь, швальни тогда ещё пивка.

– Ага, давай – только и успел произнести Руслан, тут же принявшись усердно блевать. Рвота лилась, как манная каша из кастрюли в тарелку, а потом как вода из бутылки: выходил поток желчи. Руслан, жадно давясь этим свиным винегретом, вываливал непереваренные массы наружу. Спустя несколько минут он очистил свой желудок и снова приложился к горлышку.

– Давайте зайдём за бабами?

– А как же моя школа?

– Ты ж сказал, что ну её, – махнул рукой Коля.

– А, точно. Есть ещё пиво?

– Да, Рус, есть, конечно, вот ещё пол-ящика.

– А водка?

– А вот водки-то и нет совсем...

– Как это так?

– Да так, была водка – и нету её. Лучше дёрни «Поручи-

ка».

– Так башка болит, будто по ней кувалдой били...

– Я говорю «Ржевского», вон, тяпни, полегчает.

Он ничего не ответил, а лишь протянул руку уже к открытой бутылке.

– Интересно, а сколько ща времени?

– Михалыч, спросил бы чего полегче.

– Санёк, у тебя же часы с собой, не пропил ещё? У ты ж они такие, командирские...

– А ты думаешь, на что мы ща квасим?

Проплыло несколько минут недоумённой тишины. Вскоре Руслан понял, что в лесу смеркается.

– Ладно, пойду к последнему уроку, – сказал он, попрощавшись со своими собутыльниками, детьми-алкоголиками. Все они громко заржали. Их крякающий грудной хохот разносился далеко по всей округе, сопровождая Руслана до самых дверей учебного заведения.

Посёлок городского типа Морковино умер в забвении. Мерзкие крылатые создания кружили над мрачной школой. Они будто слетались на трупы.

Кто-то свалится с ног

И упадёт лицом в грязь,

А птицы вместо того

Чтобы руку подать

Начнут его мёртвое тельце клевать...

Цепни практически неподвижны, поэтому им не требуется так много энергии, как человеку или животному. Некоторые говорят, что эти черви выходят из организма, когда им нечем питаться, но это неправда. Вы сами подумайте: как такое возможно? Животное или человек перестанут принимать воду и пищу? Тогда как же они будут жить? Конечно же, известно, что в среднем человек обходится без воды три дня, а без пищи – две-три недели. Но потом он всё равно умрёт. Если вы думаете, что глист выйдет наружу в период голодовки, то сильно ошибаетесь. Такое бывает очень редко, поэтому морить себя голодом бессмысленно. На самом деле всё происходит иначе: человек умирает тогда и только тогда, когда глист, уже матёрый, вылезает через анальное отверстие либо через рот. Рассказывают, будто бы один вид глистов, что существовал ещё до нашей эры при первобытных людях, прогрызал кишечник и живот, таким образом вылезая на поверхность. Солитёр достигает величину до двенадцати метров в длину. Длина человеческого кишечника только десять. Питаются глисты тем, что съест хозяин. Они анаэробные существа и питательные вещества всасывают любым местом: отсюда следует, что если бы человек имел такое же свойство, то мог бы есть даже ухом или, скажем, пяткой.

Никто и никогда не мог подумать, что дорогой и всеми уважаемый учёный-физик Оскар Григорьевич Фролов совершит ужасное преступление. Но это преступление – большое достижение в науке. Удивительные скрещивания быков

с овцами покажутся ерундой по сравнению с тем, чем занимался Оскар Григорьевич в своём кабинете на каникулах, выходных и поздно ночью.

Долгими ночами он работал над своим открытием. Он хотел скрестить солитёра с обычным земляным червём, но ничего не получалось. Тогда, поразмыслив, он решил, что может сделать гораздо больше. И сделал.

Последним уроком 9 «А» была физика. Оскар Григорьевич объяснил параграф и дал ученикам задание. Дети без особых затруднений выполнили его и после звонка начали расходиться. Все, кроме Вовы Батареева. Гидроцефал Вова остался после урока доделывать то, что не успел решить своими малюсенькими извилинами в огромных мозгах. Он очень обрадовался, когда услышал от учителя, что может ничего сегодня не делать, но с одним условием.

– Каким?

– Вова, ты должен поучаствовать в моём открытии.

– А что за открытие?

– Тебе интересно?

– Ужасно, Оскар Григорьевич.

– Так соглашайся.

– Я согласен!

– Тогда пошли! – ехидно улыбнулся педагог.

Физик отвёл Вову в лаборантскую.

– Ложись, Вов, вот сюда, – он указал на какую-то каталку, которая служила операционным столом. – Я сейчас.

Парень с увлечением разглядывал склянки и приборы, расставленные на высоких стеллажах. Вскоре появился переодетый Григорич. На нём были обтягивающие кожаные трусы, через которые выпирали средних размеров гениталии, ремень с круглыми заклёпками, чёрная фуражка и блестящие женские сапоги до колена. В руке он махал тоненьким, как крысиный хвостик, хлыстом. Вова опешил. Оскар с улыбкой подошёл к нему, ткнул хлыстом в подбородок и начал щекотать, шлёпая себя по ягодицам и прикрикивая «Гурно!».

Вова услышал шаги. Вошёл переодетый Григорич. На его волосатых ногах были длинные атласные чулки, висящие на подтяжках. В руках у него был длинный черенок от лопаты. Между ног торчал гладко выбритый крошечный пенис. Вова вскочил со стола, но Оскар бросился на него, ткнув дрыном в живот.

Вова поморщился. Дверь открылась, и шагнул переодетый Григорич. Он был голым, но на голову была натянута вязаная шапка с прорезями для глаз и рта. На сосках висели большие металлические кольца, а к ним от пупка шли две увесистые цепочки. Он ухнул, как филин, бросился на Вову и стал целовать его в губы.

Вова еле слышно взвизгнул и сморщил щёки. В кабинет ввалился Чёрный Григорич: он был целиком выкрашен в чёрный цвет, только глаза, нос, рот и член блестели серебрянкой. В правой руке он держал колбу с белой жидко-

стью, а в левой – свёрнутую в трубочку наждачную бумагу, которой мастурбировал. На шее у него висел пластмассовый шланг для откачки воды. Оскар прыгал, расплёскивая жидкость, щекотал свой копчик и оргазмировал, медленно просовывая шланг в Вовин рот.

Володя ужаснулся. Заиграла популярная дискотечная музыка, и Григорич, толкнув деревянную дверь, въехал на инвалидной коляске с примотанным на липкой ленте мотором, который трещал, как мотоблок. В руках Григорич держал двухкассетный магнитофон. Коляска остановилась и затихла. «Опять заглох!» – крикнул Оскар, нажал «стоп» и кинул магнитофон в Вову.

Так озорному детскому уму ошибочно представлялось то, что с ним будет.

Настоящий Оскар Григорьевич в белом халате и оранжевом респираторе спешно подошёл к Володе, туго затянул кожаные ремни на его конечностях и заткнул рот липкой лентой. Мальчишка занервничал, начал мычать и безуспешно пытался освободить конечности от ремней. Когда физик взял в руки шприц, то не смог ввести его содержимое в вену Вовы, потому что тот всё время дергался и мычал. Тогда физик нажал на кнопку, находившуюся на подлокотниках импровизированного операционного стола, и Володя скукожился от боли. В его руки и ноги вонзились острые шипы, которые постепенно вылезали из ремней с внешней стороны. Кровь заструилась по запястьям. Затем Григорьевич надел

резиновые перчатки, взял шприц и ввёл иглу в вену уже спокойного Вовы. Оскар пояснил, что если тот будет дергаться, отпилит ему ноги. Вова был спокоен, как никогда.

Через десять минут наркоз подействовал и Володя отключился. Физик зачем-то надел новые перчатки, взял в руки поднос с хирургическими инструментами и положил его рядом со столом. Вооружившись скальпелем, он прямо через рубашку сделал большой разрез брюшной полости. Расширив его, Григорич схватил кишечник и вытянул из тела на пол, потом закрепил зажимом прямую кишку и отрезал её скальпелем. После чего захватил пинцетом ещё несколько органов и тоже удалил. Ампутированная печень, содрогаясь, скользила в ладонях, как холодец. Затем учёный прикатил пластиковую бочку и, открыв её, достал оттуда начало Солитёра. Он был просто гигантских размеров: не двенадцать метров, а каких-нибудь шестьдесят; но в ширину такой же, как и обычно. Григорич начал тянуть глиста метр за метром, погружая его в тело Володи.

Спустя семь часов сложнейшей операции физик зашил ученику то место, где раньше располагалась прямая кишка. Чёрный Григорич подсоединил глиста к Вовину мозгу. Тело Вовы дышало.

Затем Оскар Григорьевич подстриг Вовину голову налысо и снял одежду. Потом снова взял скальпель и отсек половые органы, после чего отпилит хирургической ножовкой ноги и руки. Все отходы физик свалил в бочку и закупорил. Вслед

за тем залил через отверстие в крышке серную кислоту...

У преподавательницы русского языка Серафимы Ольговны шёл юбилей. 10 «А» класс, руководительницей которого она была, после занятий в полном составе пришел поздравить её и, как полагается, отметить.

В школе находилось человек сорок: ученики, их родители, учителя и охранник Владимир Петрович, которого даже ребята звали просто Петровичем. Все собрались в актовом зале, открыли шампанское и разлили игристый напиток по бокалам. Начались детские и недетские пьянки. По всей школе носились звуки модной поп-музыки.

Стол около сцены ломился от спиртного и еды, вокруг него сидели напившиеся воспитанники и несколько учителей. В зале на сгрудившихся рядами стульях можно было увидеть подвыпивших учеников. Кто-то целовался и тискал подругу, кто-то дремал, а кто-то пил неизвестный напиток из кружки.

Панельная трёхэтажная школа была выстроена по типовому проекту: актовый зал находился на втором этаже напротив спортивного, на первом этаже располагались раздевалки, кабинет техничек, холл с деревянными лавочками, резная скульптура медведя с сапогом во рту, много лет назад смастерённая учениками одиннадцатых классов, и два туалета (с левой стороны – женский, а с правой – мужской). Здесь же были три кабинета, в том числе и класс физики. Прямо рядом с ним стояла лаборатория, а напротив неё –

медпункт. У выхода за столом всегда сидел заплывший жиром пожилой Владимир Петрович. Около женского туалета находился кабинет директора и канцелярия. Также на первом этаже размещались: комната домоводства, библиотека и столовая, в которой помимо приготовления однообразных блюд велись монотонные совкупления персонала со старшими классами. На втором этаже рядом с двумя залами были расположены мужской туалет и раздевалка, а на третьем – женские уборные. Что касается верхних этажей, то на них, кроме учительской и кабинетов, ничего интересного не было.

Внезапно веселье прекратилось, хотя на самом деле только начиналось. Машенька, зайдя в мужской туалет с Дионисом, увидела на полу кровь и сильно закричала. Она завизжала ещё сильнее, когда из-под двери кабинки высунулась окровавленная рука. Дионис остановился, но Маша не переставала кричать.

– Маш, что с тобой, ты девственница, что ли?

– Нет... – ответила она дрожащим, сбивчивым голосом.

– Тогда, что?

– Вон в той кабинке...

– Что, ты хочешь, чтобы мы занялись этим там? – произнёс Дионис, держа перед собой ноги Маши.

– Нет!

– Я продолжу.

– Нет, не надо, я же сказала: нет! – возмутилась Маша,

а Дионис с удовольствием вошёл в жаркое нутро.

Он кричала, что её насилуют, а он, пытаясь не обращать внимание на пустяки, слегка сопел под её забавный голосок. Когда он застегнулся и уже хотел выйти, мощный удар тупым предметом по голове остановил его. Дионис упал на пол. Алая кровь растеклась по свежевывытому белому кафелю. Она затекла в кабинку №4 и слилась с кровью трупа.

Через пять минут, а может, чуть позже, Андрей тоже вышел в туалет, но застыл в ужасе и страхе. Из санузла кровавые следы вели вниз по ступенькам. Он решил посмотреть, что там такое творится.

Кто-то, облаченный в красное одеяние с капюшоном, тащил два мешка вниз по ступеням. Мешки оставляли за собой много крови. Следы, оставленные на бетонных ступеньках, явно принадлежали не человеку.

Андрей ужаснулся и со стоном побежал оттуда. По пути он врезался в охранника, отчего закричал ещё больше.

– Смотри, куда бежишь, малец!

– Ой, простите, я не хотел... – задыхаясь и не останавливаясь, прошептал Андрей, побежав дальше.

Праздник Серафимы Ольговны продолжался. Долбили басы музыкального центра, все пили, ели, плясали, целовались и поздравляли учительницу. Неожиданно Оля Осинина заметила, что сверху на неё что-то капает. Она подняла голову и увидела красные разводы на белом потолке. Оля провела рукой по волосам, посмотрела на неё и душераздирающе

ще закричала:

– И-и-и-и-и-е!

Кто-то подхватил крик, увидев его причину. Началась паника. Все побежали прочь из актового зала, но некоторые остались, потому что сильно напились и уснули за столами.

Брежнев Миша проснулся в актовом зале очень пьяным, у него болела голова. Он вышел из зала, в котором на всю катушку продолжала орать музыка, чтобы сходить в туалет. Громкий звук давил на раздражённую кожу черепа, вызывая слабые порывы гнева, вызванные похмельем. Кало- и мочеиспускание прошло удачно. После этого он решил прогуляться по школе и отрезвиться.

На третьем этаже у туалета Миша присел на корточки и, оглядевшись, закурил. Густой белесый дым медленно выпускался то из носа, то изо рта, клубясь вокруг. Мише казалось, что сейчас станет ничего не видно.

Тут он услышал какой-то шум. Из кабинета информатики донесся утробный визг Петра Валерьевича. Миша зажался в угол. В следующую секунду стальная дверь слетела с петель, снесла дверь кабинета напротив, выломала оконную раму и упала в проём. Миша обмер. Вдруг из кабинета под потоком крови поползло что-то большое и длинное. Оно взмыло, поднимая алые стоки вверх. Кровавое месиво размазало по потолку и шмякнулось рядом с Мишей. Он испуганно задёргал ногой. Из-под огромного количества красноты вынырнуло призрачное существо. Кровь стекала по нему,

как капля слезы по щеке девственницы. На нём начало проявляться лицо человека, в котором Миша узнал своего одноклассника Вову. Вместо рук и ног у Володи начали отрастать конечности в виде жирных, плоских, полупрозрачных червей. Одной конечностью тварь прикоснулась к Мише. Он вздрогнул от холода, а потом завизжал, почувствовав боль. Червеобразное существо начало соскабливать с него кожу и мясо; оно впитывало в себя плоть, поглощая Мишу, который тяжело визжал, отхаркивая ферментированную кровь, пока, наконец, его рот не успокоился. Последние куски мяса были съедены. Школа наполнилась многозначительной тишиной, нарушаемой лишь капаньем крови с последнего этажа.

Мёртвое затишье пугало и сводило с ума. Потолки на втором и третьем этажах окончательно затопились. Где-то в дремучих коридорах и тёмных углах от неизвестности прятались люди. Та неизвестность, которая несёт смерть, которая всех обоготворит, которую создал Фролов.

Инна посмотрела на поцарапанное стеклышко часов и сказала:

- Уже полвторого.
- И чего из этого? Ты предлагаешь пойти по домам? – ухмыльнулся Коля.
- Да, иди ты, урод!
- Волдырин! Ты даже в такой ужасной ситуации не можешь куда-нибудь убрать свой юмор! Даже в такой обстанов-

ке тебе весело!

– Серафима Ольговна...

– Всё! Хватит! Сиди и молчи, пока тебя не спросят, понял?

– Да, Серафима Ольговна.

В живых остались только восьмеро: три девушки, четыре юноши и Серафима Ольговна Стушенко. Представительниц прекрасного пола звали Инна Галдырина, Лена Сардель, Юлия Чесничко; ребят – Саша Монгол, Коля Волдырин, Лёша Хорошев и Рома Микшер. Внезапная тишина поразила Стушенку, и она хотела открыть рот, чтобы что-то сказать, но не сделала этого. По разноцветной стене сквозь кровоподтёки пробиралась чья-то тень. Стоял отвратительный запах. Что-то огромное, сильно похожее на гигантскую гусеницу, ползло по окровавленной стене, как тень. Некоторым удалось спастись бегством, потеряв при этом руки или ноги, которые прожевывал мутант.

Сам Фролов никак не воздействовал на чудовище. Он просто сидел в своём кабинете и читал повесть Лермонтова «Герой нашего времени».

Ровно в четыре часа ночи из актового зала раздался будоражащий гул. За ним последовал бой часовни. Раньше поговаривали, что ещё до революции на этом месте стоял монастырь. Как рассказывали старые монахи, священник Матвей спустился в погреб, чтобы взять кагора, но не вернулся. Монахи утверждали, что там он нашёл свою смерть.

Минули десятилетия, и монахи написали исторический том, где говорилось о кончине Матвея и о его душе, которой завладел дьявол, обратив священника в демона. Ещё рассказывалось, что в селе бесследно пропадали люди и народ видел, как поздно ночью около церкви стоял человек в рясе и, смотря на часовню, громко смеялся. И однажды в ней зазвонил колокол. Обычно в это время он молчал. Крестьянин бил в него и громко кричал: «Беда, беда в селе! Церковь горит! Беда, беда!». Сбежавшийся народ наблюдал, как страшно полыхала старорусская деревянная церковь, и вместе с огнём в небоплыли души людей. Они звали о помощи и тянули свои руки к живым, а в небе над горящей церковью парил погибший священник.

Уцелела лишь старая часовня. Она стояла уже второй век и давно начала гнить. Страшно было забираться наверх по проваливавшимся трухлявым ступеням. Однажды ночью девять детей из богатых семей убежали из дома и направились туда. Это было уже после того, как церковь сгорела. С детьми был тот самый священник, теперь управлявший их разумами. Он хотел совершить обряд, который сделал бы его могущественным, а на земле настал бы хаос. И обряд во имя Сатаны был совершён.

Пророчество Люцифера гласило: «Девять детей и батюшка зайдут в старую часовню. Священник отрежет детям руки и сошьёт их в единое целое, а самих детишек разложит в часовне вокруг колокола. Девятого же повесит над колоколом,

разрежет ему жилы, чтобы ручеек стекал вниз на остальных. Потом священник вспорет себе брюшину и ляжет под девятым ребёнком, дабы его кровь смешалась с кровью дитяти. Тогда он станет могущественным. Но силы зла будут находиться в слугителе не вечно, поэтому он ежегодно будет совершать жертвоприношение: класть младенца на полу и оставлять на сутки, за которые он успеет простудить внутренние органы и умереть. Затем тёмный властитель встанет из могилы и заберёт жертву. В итоге Сатана будет царствовать на земле, а священник займёт место Люцифера в аду».

И вот, сегодня пророчество совершилось. Школьные кабинеты наполнились холодом, всё в округе превратилось в лёд. На третьем этаже, в крови, в углу, дрожа от страха, сидели шесть человек. Учительница и её ученики. Они ждали свой мрачный конец. Откуда столько много крови, не ясно. Ясно было одно: третий этаж постоянно пополнялся ей. Эти шестеро видели лишь, как из конца коридора приближались тьма и холод.

Многие думали: как же выглядит Армагеддон? Как же выглядит Апокалипсис? Апокалипсис выглядит так, как выглядит сегодня.

Поглощённый тьмою и льдом посёлок Морковино навеки стал домом Сатаны. Околдованные холодом, закованные в цепи, люди и теперь работают на хозяина.

Шестиэтажные дома и заброшенные гравием дороги навсегда стали ниже нуля. Зло всегда победит – верь в это, и ты

останешься в живых. Вечная темнота заняла всю планету, и на Земле воцарился ад. Это всё, что теперь здесь».

Глава третья

«Предмет вожделенных исканий»

Трепет перед хулиганами пересилил боязнь темноты, и Настя с Фёдором пошли на странный и таинственный звук, доносившийся из глубины подвала. Когда они оказались в конце, то увидели широкий проход в стене, по-видимому, продолбленный бомжами за все годы жизни здесь.

– Ох, – дрожащим голосом залепетала Настя, – Что, полезем?

– Ну а что, поглядим, как там всё устроено, – хихикнул Федя, укрываясь от обеспокоенного взгляда девушки.

Фёдор первым пролез в дыру, а Настя, немного поколебавшись, последовала за ним. За проходом текла небольшая река, от которой невыносимо разило концентрированными испражнениями. Судя по всему, они оказались в канализации. С обеих сторон мутного протока лежали доски, по которым можно было свободно ходить. Потолок был высоким, так что пригибаться не приходилось.

Капанье экскрементов с потолка и леденящий душу звук, приведший их сюда, пронзительным лязгом доносились до ушей возлюбленных. Чем глубже они уходили, тем холоднее становилось. Они долго шли вперёд и дышали едким запахом, приговаривая «Фу, как здесь воняет!». По пути Фё-

дор о многом расспрашивал Настю, а она его. Когда практически все темы иссякли, Настя, чтобы не создавать тишину, спросила:

– Федь, ты веришь в бога?

– Нет, а ты?

– Не знаю, наверное да.

– Как это, наверное? Я вот если во что-то верю, то точно знаю об этом, а если у меня есть какие-то сомнения, я в это не верю.

Тут совсем недалеко что-то щёлкнуло, и Настя продолжила:

– А в Сатану ты веришь?

– Знаешь Насть, я вообще ни во что не верю.

– Как это так?

– Атеист я, атеист...

– Значит, в любовь ты тоже не веришь?

– Причём тут любовь? Любовь – это любовь, а религия – это религия. Разве ты веришь в Сатану?

– Нет.

– Ну вот, Насть, я вообще считаю, что никаких богов, всевышних и другой чуши нет. Всё это чепуха жрецов, живших в древности. Дьявол теоретически и физически не может находиться под землёй, а Иисус – на небе. И если он и был когда-то живым, то умер, зачем молиться мертвецам? Мне кажется, что какая-нибудь античная секта фанатиков придумала богов, чтобы занять на досуге себя и других. Или они

всего-навсего хотели, чтобы люди выполняли их прихоти. То есть, манипулировали верующими.

После речи Фёдора на улице ударил гром, потолок затрепал и, сверху посыпалась земля. Но Фёдор и Настя не придали этому большого значения, ведь грома они не слышали, а когда увидели сыплющуюся землю, то, стряхнув её с головы, посмотрели вверх.

– С тех давних времён так и пошло-поехало, – снова продолжил Фёдор, – я встану на колени в каком-нибудь сарае, поставлю свечку и стану молиться. Ты прикинь, а?

Настя после секунды молчания сильно рассмеялась:

– Федь, конечно, твоё мнение о религиях звучит убедительно, но это твоё мнение, и не стоит его навязывать другим.

– А, кому это, интересно, я его навязываю?

– Мне, например.

– Я не навязываю, я просто высказываюсь. А что ещё делать, ты можешь предложить заняться чем-нибудь более подходящим?

– Да, – девушка поцеловала Фёдора и занялась с ним любовью. – Закончим начатое. – добавила Настя и начала растёгивать пуговицы на клетчатой рубашке Феди. Не будем впадать в подробности, это не эротическое издание Франсуазы Саган.

В тёмной подземке были лишь преюющие крысы, Фёдор

с Настей и глубоководное хлюпанье, доносившееся со дна. Канализация представляла собой длинные и запутанные коридоры, которые расходились во все стороны под районами столицы.

Они долго блуждали по развилкам в крошечной темноте, временами размышляя о сладкой жизни там, вверху, над ними. Настя остановилась, чтобы поправить бретельку на туфельках, Фёдор этого не заметил, потому что постоянно шёл впереди и не видел её. Он так и брёл, пока не задал вопрос:

– Насть, тебе не холодно? – но ответа не последовало, потому, что она была далеко позади.

– Насть? – снова повторил он. – Ты где? – добавил Фёдор, когда уже обернулся.

Вместо еле различимого силуэта можно было разглядеть лишь пузыри, поднимавшиеся из воды. Тогда он достал зажигалку и, светя ей, двинулся назад, но девушки нигде поблизости не было. Фёдор решил покричать:

– Насть! Ты где? Насть! Насть! Иди сюда!

Он запаниковал и начал метаться от стенки к стенке. Наконец из глубины подземелья послышался крик – это была она.

– Насть! Ты где? Настя!

– Я здесь. Иди сюда! – её крик приближался.

Фёдор шёл на голос. Через несколько секунд он остановился, чтобы ещё раз позвать. Настя отозвалась, голос был уже почти рядом, всплески воды говорили о том, что

она близко. Фёдор шагнул вперёд и посветил зажигалкой. Во мраке он различил какие-то очертания.

– Насть, это ты? – ответом было молчание.

Фёдор моргнул, а когда открыл глаза, то увидел, что девушка, которую он увидел, исчезла. Он потёр уставшие глаза и снова позвал Настю. Спустя двухсекундное молчание она ответила. В канализации Федя ощутил что-то вроде злой энергии. Наконец он увидел мутные круги на воде, а за ними вновь показался силуэт, на этот раз это точно была она. Её глаза блестели в темноте, отражая тёмную воду. Синие тени размазались как крем для торта, а чёрная тушь потекла будто слёзы. Увидев её лицо, Фёдор радостно воскликнул:

– Где ты была, я думал, что не найду тебя!

– Я, – она делала глубокие вдохи, – я остановилась поправить туфлю, а когда встала, то тебя не было. Решила, что потерялась.

– Замёрзла, небось? – Федя снял куртку и передал её Насте, – На, одень.

– Спасибо, действительно подмораживает.

Рассудок мутился, клонило в сон, глаза слипались, хотелось есть. Судя по всему можно было сказать, что наступила ночь. Федя достал сигарету и прикурил. «Как плохо, когда есть деньги, но их нельзя использовать, потому что негде».

Мёртвую тишину нарушали всплески – это крысы, перебирая лапками, проплывали сквозь понос, и каждый раз сердце Насти готово было разорваться. Сверху капала кон-

денсированная вода. Вдруг Фёдору захотелось сходить побольшему.

– Насть, подожди, я в туалет хочу, – Федя отошёл подальше, уселся на корточки, достал из кармана кошелек и вынул из него несколько десятирублёвых купюр. «Кстати, хорошая отмазка! Если от меня будет вонять, то я скажу: ты ведь в канализации!» – размышлял Фёдор, пока шёл процесс.

Он вернулся к Насте, и они снова двинулись вперёд. Было ясно, что довелось прочно заблудиться. Прошёл час нервного безмолвия, прежде чем Настя споткнулась и упала. Федя подхватил её:

– Ты вся грязная. Блин, чё это за запах?

– Вот чёрт, это ты во всём виноват.

– Что? Да я... – он не успел ничего сказать, как она его перебила:

– Да-да, теперь отнекивайся. Я теперь поняла, кто ты.

– Ну, Насть, я же...

– Слушай, в этом случае надо промолчать, тебе так не кажется? Куда ты меня привёл? Если бы не ты, я бы была уже дома, а вместо этого я тут шатаюсь непонятно с кем по канализациям! Это надо ж так, а! Ты всегда найдёшь доброе словцо! Все люди как люди, а ты меня вместо того, чтобы в кафе сводить, отвёл в канализацию!

– Настенька, почему ты меня обвиняешь? Я не думал, что так всё получится. Я не мог предвидеть, что мы наткнёмся на этих уродов, я думал, мы спокойно погуляем. Я тебе рас-

скажу о себе, ты...

– Ну, ты же мне вроде про себя рассказывал, насколько я помню.

– Да, но получилось немного не так, как я предполагал. Ну, уж прости меня, пожалуйста...

– Ладно, не переживай так, – ответила она, немного отпустив гнев, – я просто уже психую.

Фёдор сполз по стенке и присел, рядом примостилась Настя. Некоторое время они так и сидели молча, а потом уснули. Их сон прошёл беспокойно: конечности стыли, их больно сводило; иногда, дернувшись, Настя просыпалась. Когда Фёдя очередной раз открыл глаза, то увидел перед собой почти прозрачную воду, на мели которой выделялся тёмный кругляшок. Он нагнулся и взял вещицу в руки – это оказалась старая потускневшая монета. На решке стояла едва приметная рельефная дата – 1926 год. Рассмотрев монету, он выкинул её обратно, встал на ноги, размял конечности, потянул спину и плечи, вздохнул и разбудил Настю. В сжавшихся животах было пусто. Неприятный запах изо рта внушал доверие, а урчание голодного желудка – преданность.

– С добрым утром.

– Ага, с добрым, – через силу ворочала языком Настя.

Фёдор помог ей встать, и они продолжили искать выход из коллектора. Чем дальше они шли, тем больше мусора плыло по течению, а это означало, что цивилизация находится где-то рядом. Сор плыл туда, куда двигались они. Прошло

много времени, прежде чем Настя заметила, что над их головами слышен шум. Это проезжали машины и проходили люди. Вскоре замаячили небольшие лучики света, которые протискивались сквозь узкие отверстия в железных решётках. Постепенно шум умолк, а свет уже не падал люминесцентным веером. Наконец они уткнулись в стену: река далее уплывала в трубу, а в метре от них в поросшую копоть кирпичную стену были вбиты ржавые железные скобы, поднимавшиеся вверх. Федя полез по лестнице, но когда добрался до середины, его нога соскользнула, и он скатился вниз. Потом он повторил попытку, и когда долез до конца, то предстояла новая задача – открыть люк, ведущий на поверхность. Слабые руки с большим трудом приподняли чугунную крышку и отодвинули её на десять-пятнадцать сантиметров вбок. Собравшись с силами, он ещё немного сдвинул металлический блин, после чего вылез на свет и оглянулся по сторонам. Вокруг почти никого не было: выход из канализации привёл их на тихий двор, засыпанный пылью и обёртками от шоколадок. Федя несколько секунд вдыхал долгожданную свежесть, а потом опомнился и, встав на колени, протянул руки вниз.

– Лезь сюда, я тебе дам руку.

Настя, как бешеная, начала карабкаться наверх. Перебирая ногами и сопя, она лезла всё выше и выше, а Фёдор тянул руки к ней. В конечном итоге он схватил её за запястья и вытащил наружу.

Фёдор отряхнул себя и помог Насте. На светлой юбочке виднелись чёрные пятна, будто от отработанного машинного масла, а короткая кофточка местами уже изорвалась. Денег не было, а ведь если бы Федя тогда не подтёрся несколькими десятками, то они бы сейчас нашли транспорт и были дома.

Высвободившиеся из плена коммуникаций прошлого века, они спустились по ступенькам в переход и перешли на другую сторону дороги, где находился вход в метрополитен. Фёдор перепрыгнул через турникет и позвал Настю, которая застенчиво стояла и боялась «козлить». Грузная контролёрша засвистела в свисток и окликнула Федю, а он, побоявшись, что его задержат или не пропустят, побежал вперёд и скрылся в толпе, а стеснительная девушка замерла в растерянности. Спустя какое-то время, заметив опешившую Настю, добрый бородатый дядя предложил ей воспользоваться его билетом. Она со счастливой детской улыбкой поблагодарила незнакомого прохожего и побежала вниз по эскалатору, где её дожидался Федя. Когда прибыл поезд, они зашли в вагон, сели на мягкие сидения и вздохнули.

Через сорок минут поезд прибыл на нужную станцию, и Фёдор с Настей вышли из вагона, направившись домой. От метро нужно было пройти пешком минут десять.

Дома было душно. Федя открыл настежь окна, а сам зажег на плите газ и поставил чайник. Пока тот вскипал, он ушел в комнату. Гремел душ: Настя отмывалась в ванной комнате.

Фёдор сделал к чаю бутерброды с сыром и пригласил уже

вымывшуюся Настю к столу. После еды он порылся в ящике, нашёл денежную заначку и предложил снять накопившееся напряжение алкоголем. Недолго думая, он сбегал в супермаркет, где купил вина, коньяка и много хорошей закуски.

Приближался вечер. Настя накрыла на стол и зажгла свечи. Ужин при свечах – это самое романтическое, что когда-либо было в жизни Фёдора. Он радостно налил шампанское в высокий бокал и передал его своей даме, затем налил и себе.

– Ну, за наше знакомство, которое мы до сих пор не обмыли, и за чудесное освобождение, – он сразу вспомнил, как забоялся шпаны и как они лазали по коллекторам, – а самое главное, за то, что я встретил такую невероятно красивую и умную девушку, как ты!

– Как я? Почему как, чтобы обидно не было, что ли? – слегка недоумевала смеющаяся Настя.

Фёдор громко рассмеялся и ответил:

– Ну, что ты, так просто говорят. Я имею в виду только тебя.

– Я же пошутила, – в свою очередь улыбнулась Настя, а Фёдор, не теряясь, тоже подхватил.

Выпили, посидели, поцеловались, налили по второй. Выпили, посмеялись, пообнимались, налили ещё, выпили. Спустя полчаса, распив вино, они распечатали и разлили по рюмкам коньяк.

– За нас! – радостно подхватила Настя, и они выпили

на брудершафт.

Прошёл ещё один час. Возлюбленные опустошили штоф коньяка. Пьяная Настя встала с дивана и направилась в ванную. А когда вышла, то подошла к холодильнику и открыла дверцу. Кроме продуктов, она разглядела бутылку водки, которая стояла в дальнем уголке нижней полки. Фёдор совсем о ней забыл, это неудивительно. Настя вошла в комнату и поставила бутылку на стол.

– Федь, смотри, что я нашла, – она радостно хихикнула и сама налила себе полстакана, не обделив и Федю.

Одним махом выпили, закусили. Накал слов и мыслей был уже запредельным, и Настя захотела украсить тело Фёдора пирсингом.

– Слушай, Федь, а давай тебе, что-нибудь проколем?

– Давай, – засмеялся Фёдор, проглатывая следующую порцию горячительного.

– А, у тебя иголка есть?

– Да, была где-то.

– Какая?

– А какая нужна?

– Ну, какая-нибудь.

– Ну, какая-нибудь найдётся.

– Неплохо было бы для внутривенной...

– Чего? – Переспросил Федя, будто не расслышал.

– Ну, инъекции...

– Инъекции?

– Ага.

Фёдор плохо знал, что это такое, но сделал вид, что понял. Порывшись в ящиках, он нашёл несколько швейных игл. Насте совсем не хотелось мучиться, так как с ними действительно очень трудно работать.

– А, что ничего другого нет?

– Не знаю, пока ничего не нашёл.

– Ну, поищи ещё.

– Я искал, но нету, там только какая-то штука с пластмассой на конце.

– Какая такая штука?

– Ну, сантиметров пятнадцать.

– Покажи, где.

– Да, вот валяется. – Фёдор отодвинул ящик в столе и взял неизвестный ему предмет в руку.

– О, да, так это то, что надо!

– Так, ты про это говорила?

– Не, не про это, но эта тоже подойдёт.

Начали с уха. Настя взяла вату, плеснула на неё из бутылки и протерла место будущего украшения. Затем взяла толстую иглолку и также смочила в водке.

– Дезинфекция, – с видом эксперта проговорила она, – Ну, что, готов?

– Давай, – махнул рукой мало что соображавший Федя.

Она вынула из своего уха колечко. Фёдор в предвкушении боли охнул и затрясся. Оттянув левую мочку испуган-

ного Феди, Настя всадила катетер в плоть. Она продела замочек серьги в узкое отверстие иглы и аккуратно вынула инструмент из уха. Украшение оказалось в нём. Крови совсем не было. Всё оказалось не так страшно, как думалось Феде, процедура была закончена, и он любовался собой в зеркале.

– Давай тебе ещё что-нибудь проколем, – засмеялась Настя, разглядывая сергу.

– Нет, не надо, пока хватит, – замотал головой Фёдор.

Выпили ещё, посидели. Подползала скука. Вконец напившийся Федя, размышляя о пробитом ухе и сексе, решил проколоть себе член, чтобы удивить девушку.

– Я пойду отолю.

– М-му...

Он заперся в туалете, прихватив рюмку водки и иглу, которую только что применяли. Там он вытащил кольцо из свежeproколотоу уха, положил его наготове на край унитаза, затем оттянул крайнюю плоть и пробил её иглой. Боль была несильной, но выступила кровь. Провозившись минут десять, расковыряв рану и случайно задев мягкие ткани, Фёдор с трудом вставил сергу; он взвизгнул и ударил кулаком в стенку.

– Что, понос толкаешь? – глухо слышалось из комнаты.

– Да нет, всё, ща уже иду.

Макнув свой орган в рюмку Федя вышел из туалета. Увидев его произведение, Настя захохотала и уткнулась носом в подушку.

- Федь, ну ты даёшь!
- Давай попробуем с ним?
- Так прокол же свежий, надо чтоб зажил.
- Да ладно, я все водкой протер.

Настя на ногах стоять уже не могла, а лишь шаталась, падала и ползала по ковру. Фёдор сосредоточил своё внимание на том моменте, когда Настя заползла на диван, и повернулась к нему задом. Не теряя времени, Фёдор, будучи уже возбужден, подошёл к ней сзади и стянул её трусы. Девушка почувствовала сильные руки на своих ягодицах и одобрительно повиляла попой. Федя гладил её и ласкал, а Настя слегка постанывала и облизывала от удовольствия губы. Он притянул согнутые в коленях ноги девушки к себе.

Когда акт любви был завершён, Фёдор недовольно потёр член и увидел, что то место, где воткнута сережка, истекает кровью. Между ног Насти тоже струилась бурая жидкость.

Она встала с постели, пошатнулась и, дойдя до двери, упала, слюняво простонав «ражвежло-о-о-ы». Фёдор взял её под руки и внёс в ванную. Там он окончательно раздел её и снял одежду с себя. Потом включил холодную и горячую воду. Отрегулировав тёплую струю, Федя держал Настю и натирал мыльной губкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.